

Людмила Проценко*ст. преподаватель кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина***Liudmyla Protsenko***Assistant professor at Department of Sociology, V.N. Karasin Kharkiv National University***Людмила Сокурянская***доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина***Liudmila Sokuryanska***Doctor in Sociology, Full Professor, Head of Department of Sociology, V.N. Karasin Kharkiv National University*

ХАРЬКОВСКАЯ (ЯКУБИНСКАЯ) СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА: ИСТОКИ, НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОКОЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В статье рассматривается понятие «научная (социологическая) школа», предлагаются критерии идентификации социокультурного феномена, соответствующего этому понятию, в частности такие, как оригинальность научно-исследовательской программы, наличие авторитетного ученого – лидера школы, наличие механизмов обеспечения преемственности научной традиции, каналов распространения и презентации полученного нового знания, внешнее признание и высокая оценка результатов деятельности научной школы и др. С помощью историографического анализа доказываем, что Харьковская (Якубинская) социологическая школа отвечает представленным критериям, в частности школа насчитывает несколько поколений исследователей, активно развивающих оригинальную исследовательскую программу – концепцию социальной активности личности (социальной группы), разработанную профессором Е. А. Якубой, чей безусловный научный авторитет, лидерские, организаторские и моральные качества стали важным фактором создания Харьковской научной школы.

Ключевые слова: научная школа, критерии идентификации научной школы, Харьковская (Якубинская) научная школа, концепция социальной активности личности.

The article deals with the concept of «scientific (sociological) school». The authors propose criteria for identifying the phenomenon which corresponds to this concept, in particular, the originality of the research program, the presence of a reputable scientist – the leader of the scientific school, availability of mechanisms to ensure continuity of scientific tradition, existence of distribution and presentation channels, external recognition and appreciation of the scientific school performance, etc. Applying historiographical approach the authors argue that Kharkiv (Yakubinska) sociological school corresponds with the criteria that were represented. In particular school has several generations of researchers who actively develop original research program – the concept of social activity of personality (social group) developed by prof. E. A. Yakuba, whose absolute scientific authority, leadership, organizational and moral qualities have become an important factor of the creation of Kharkiv scientific school.

Keywords: scientific school, criteria of identifying scientific school, Kharkiv (Yakubinska) sociological school, the concept of social activity of personality (social group).

У статті розглядається поняття «наукова школа», пропонуються критерії ідентифікації відповідного поняттю соціокультурного феномену, зокрема такі, як оригінальність науково-дослідної програми, наявність авторитетного вченого-лідера школи, наявність механізмів забезпечення наступництва наукової традиції, каналів розповсюдження та презентації здобутого нового знання, зовнішнє визнання та висока оцінка результатів діяльності наукової школи тощо. За допомогою історіографічного аналізу доводиться, що Харківська (Якубинська) соціологічна школа відповідає представленим критеріям, зокрема школа налічує кілька поколінь дослідників, що активно розвивають у своїх працях оригінальну дослідницьку програму – концепцію соціальної активності особистості (соціальної групи), котру розробила професор О. О. Якуба, чий безумовний науковий авторитет, лідерські, організаторські та моральні якості стали важливим фактором створення Харківської наукової школи.

Ключові слова: наукова школа, критерії ідентифікації наукової школи, Харківська (Якубинська) наукова школа, концепція соціальної активності особистості.

Научные школы традиционно считают одной из наиболее эффективных форм организации научной деятельности, одним из условий сохранения и развития научных традиций, что чрезвычайно важно для существования и воспроизводства института науки, особенно в обществе, переживающем кризис, каким сегодня является украинское общество. К сожалению, говорить о сколь-нибудь продуманной и последовательной научной политике в условиях кризисного общества не приходится. Тем не менее такая политика необходима, поскольку именно наука, в том числе фундаментальная, является важнейшим фактором общественного развития.

Одним из условий сохранения и приумножения научного потенциала, в том числе благодаря интеграции науки и образования, является функционирование и государственная поддержка научно-исследовательских университетов. Данный статус может получить любой вуз, отвечающий определенным критериям, в число которых включен и такой показатель, как существование в вузе научных школ. Так, в законопроекте «О высшем образовании» отмечается: «Критерии, по которым представляется статус исследовательского университета, базируются на таких основаниях: 1) разветвленная инфраструктура и материально-техническая база, обеспечивающая проведение научно-образовательной деятельности на мировом уровне, в частности признанные научные школы (выделено нами – Л.П., Л.С.), центры, лаборатории и т.д.» [1]. Таким образом, актуальность исследования научных школ детерминируется необходимостью трансформации двух ведущих социальных институтов – науки и образования.

Заметим, что идея создания научно-исследовательских университетов и под-

держки научных школ не нова. В России в 1995 г. вышли два постановления правительства, направленные на поддержку ведущих научных школ страны: «О государственной поддержке развития науки и научно-технических разработок» и «О государственной поддержке ведущих научных школ Российской Федерации». Одним из последствий внедрения этих программ явилось появление большого числа «самофинансируемых» научных школ, лишь формально отвечающих этому статусу, в частности критериям научной школы, перечисленным в названных выше нормативных документах. Научная школа определяется в них как «сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью. Указанный коллектив должен осуществлять подготовку научных кадров, иметь в своем составе руководителя, а также молодых (до 35 лет) исследователей» [2]. Научные школы – «самозванцы» активно представлены в издающемся в России сборнике «Ведущие научные школы РФ». С нашей точки зрения, самофинансирование научных школ невозможно. Это обусловлено тем, что процесс возникновения и развития научных школ вряд ли может быть целенаправленным, научная школа является, скорее, «побочным» продуктом долговременной успешной научно-исследовательской и научно-образовательной деятельности.

На повестке дня ученых стоит вопрос уже не столько об отделении научной школы от других форм научной деятельности на понятийном уровне, хотя и здесь нет единого мнения, сколько о дифференциации научных школ по критерию эффективности. Сложившаяся в нашей стране ситуация

требует обращения исследователей к реальным, существующим на данный момент, а не историческим научным школам. Это, в свою очередь, предопределяет необходимость разработки критериев существования современной научной школы и показателей её эффективности. В отечественном варианте разработка таких критериев и показателей должна осуществляться с учетом той критики, которой подверглась практика внедрения в России названных выше законопроектов. Так, российские исследователи И. Г. Дежина и С. В. Егерев отмечают, что, согласно определению, приведенному нами выше, в качестве научной школы может быть идентифицирован практически любой коллектив, совместно (в том числе временно) работающий над научным проектом, что совершенно не отображает специфику такой формы научной деятельности [3].

Изменения, предусмотренные в законопроекте «О высшем образовании», затрагивают всю систему высшего образования и вузовской науки в Украине, неотъемлемой частью которой являются научно-образовательные школы. С нашей точки зрения, успех реализации названного законопроекта во многом определяется его социологическим обеспечением, как с точки зрения теоретической, так и прикладной. В свою очередь, актуализируется проблема идентификации научных школ в социологии. Серьезным препятствием на этом пути является отсутствие четкого смыслового наполнения понятия «социологическая научная школа» как в истории социологии в целом, так и в контексте современного научного знания. Фрагментарный анализ научных социологических школ в Украине, неопределенность, неоднозначность позиции социологического сообщества относительно существования в нашей стране социологических школ актуализирует потребность теоретического и эмпирического определения понятия «научная социологическая школа», что будет способствовать более четкой идентификации достижений отечественной социологической науки как в советское, так и постсоветское время. В ходе решения этой задачи необходимо обратиться к социокультурным контекстам развития социологической традиции, осуществить историко-социологическую рефлексию, что крайне важно для определения проблемных моментов и очерчивания перспектив отечественной социологии как сферы научного знания, экспертной и социальной практики.

Цель статьи – презентация Харьковской (Якубинской) социологической шко-

лы в контексте разработанных критериев идентификации научных школ.

Исследование научных школ как социокультурного феномена, по нашему мнению, сталкивается, как минимум, с двумя проблемами, которые являются «продолжением достоинств» такой формы организации научной деятельности. Первая проблема обуславливается особенностями объединения ученых в данный тип сообщества: научная школа – неформальное сообщество высокомотивированных ученых, основанное на принципах самоорганизации. С одной стороны, именно эта особенность научных школ предопределяет высокую эффективность и, как следствие, особый статус данного образования. С другой стороны, вследствие «неформальности» связей и отношений научная школа «ускользает» от исследователя: невозможно «пощупать» научную школу – изучить её статут, формальную структуру, уставные документы, определить дату принятия в члены научной школы того или иного ученого и т.д. Всего этого просто не существует, поскольку научная школа представляет собой, скорее, систему оперативных, синхронных и асинхронных, формальных (публикации) и неформальных практик.

Вторая проблема связана с тем, что научная школа – это не просто некое научное сообщество единомышленников, а и определенный статус, который приобретает научный коллектив благодаря успешности своей научной деятельности, выражающейся в значительном научном вкладе и признании этого вклада со стороны более широкого научного сообщества, например дисциплинарного. Т.е. маркирование определенного сообщества как научной школы является по преимуществу результатом идентификации извне, нежели самоидентификации. Естественно, данные процессы не происходят параллельно, вклад научной школы становится более очевидным с течением времени. Поэтому, по нашему мнению, исследования научных школ с неизбежностью являются также историографическими (безусловно, можно изучать формы научной деятельности, существующие на основе когда-то возникшей научной школы, в частности изучать преемственность и развитие тематики и традиций, однако «точка отсчета» всегда будет находиться в прошлом), а фиксация вновь созданных научных школ невозможна в принципе. Может быть, о некотором сообществе исследователей, возникшем сегодня для решения определенной проблемы, объединенном общими целями, ценностями и методологи-

ей, через некоторое время мы будем обоснованно говорить как о научной школе, однако зафиксировать наличие научной школы непосредственно в момент ее возникновения или даже через год-два невозможно. Именно поэтому о научных школах чаще всего говорят ретроспективно, а в западной научной традиции – исключительно в историко-научном контексте. Для обозначения и изучения возникающих неформальных научных сообществ на Западе используется понятие «незримые колледжи».

Следует отметить, что в вопросе определения понятия «научная школа» среди ученых нет единодушия, дискуссии по поводу дефиниции этого понятия, критериев соответствующего феномена достаточно широко отражены в специальной литературе (см., напр.: [4-8]). Подчеркнем, что понятие «научная школа» используется сегодня для обозначения различных феноменов, например научного направления, научно-образовательной школы, национальной традиции в науке, научно-исследовательского коллектива и т.д. Если обратиться к содержанию словосочетания «научная школа», очевидно, что подразумевается наличие интеллектуальной позиции, которой придерживается одна группа ученых в отличие от другой, а также преемственность данной позиции. Однако такое понимание научной школы предполагает ее трактовку как в широком (научное направление), так и в узком (научный коллектив) смыслах.

Мы определяем научную школу как неформальное научное сообщество, объединенное парадигмальными, институциональными и поколенческими связями [см. об этом подробнее: 9]. Определяя понятие «научная школа» таким образом, мы опираемся прежде всего на концепцию научных школ Т. Куна, представленную в работе «Структура научных революций», где научная школа определена как научное сообщество, способом деятельности которого является «нечто, похожее на парадигму»¹[10]. Мы обозначаем последнее понятие «локальная парадигма», то есть сложная символическая структура, которая включает в себя предметно-логические, ценностные и практические компоненты, присущие определенному научному сообществу. Еще одной концепцией, к ко-

торой мы обратились в процессе работы над собственным определением научной школы и критериев ее идентификации, является концепция неявного знания М. Полани. При этом особое внимание мы уделили идее о том, что преемственность научных традиций возможна лишь в непосредственном общении учителя с учениками, в ходе которого происходит передача явного и, особенно, неявного знания, как правило, слабоформализуемого и представляющего собой практики, приемы исследования, эталоны оценки гипотез, правила поведения, нормы научной деятельности, традиции, ценностные ориентации и т.п. [11].

Таким образом, исходя из концепций Т. Куна и М. Полани, а также анализа существующих в науковедческой литературе подходов к определению критериев научной школы, описаний конкретных научных сообществ, маркируемых как научная школа, мы предлагаем следующий перечень критериев, благодаря которым можно идентифицировать научную школу:

- наличие авторитетного ученого, который объединяет учеников вокруг своей идеи и выступает лидером научной школы;

- оригинальность научно-исследовательской программы;

- наличие механизмов воспроизводства, которые обеспечивают преемственность научной традиции (явных и неявных знаний);

- длительный период деятельности (наличие нескольких поколений ученых);

- наличие каналов презентации, распространения полученного знания, которые делают вклад научной школы видимым для всего научного сообщества (наличие научных публикаций и, желательно, собственных изданий);

- внешнее признание и высокая оценка работы исследовательского коллектива (наличие кандидатских и докторских диссертаций, которые защищены в рамках определенного теоретического направления, наличие государственных премий и наград, авторских свидетельств, патентов, признание со стороны зарубежных научных сообществ в виде дипломов и почетных званий и т.п.).

Попробуем «примерить» эти критерии на исследовательский коллектив, который украинским социологическим сообществом уже давно именуется Харьковской социологической школой, точнее, школой Елены Александровны Якубы.

Начнем с первого критерия. Несомненно, Елена Александровна Якуба – это тот самый авторитетный ученый, который объединил своих учеников, во-первых, во-

¹ По Т. Куну, существование научных школ характерно для допарадигмального и постпарадигмального периодов развития науки. Таким образом, парадигма в куновском понимании является «надшкольным» феноменом. Поэтому для обозначения парадигмального единства научной школы мы используем понятие локальной парадигмы.

круг идеи создания научно-исследовательского коллектива (лаборатории, кафедры, факультета) (именно социологическая лаборатория Харьковского университета, созданная на кафедре философии в ноябре 1963 года, стала той структурой, в рамках которой и родилась Якубинская научная школа), во-вторых, вокруг идеи создания оригинальной научно-исследовательской программы. Такой программой стала разработанная профессором Е. А. Якубой концепция социальной активности и социальной зрелости личности (социальной группы). Как видим, и второй критерий «работает».

Основные положения концепции социальной активности личности (социальной группы) нашли свое отражение не только в собственных работах профессора Якубы (см., напр.: [12-19]), но и в диссертациях, монографиях, научных статьях, теоретических и эмпирических исследованиях нескольких поколений ее учеников и учеников ее учеников.

Теория социальной активности Е. А. Якубы возникла благодаря осмыслению колоссального эмпирического материала, полученного в ходе социологического исследования, проведенного коллективом университетской социологической лаборатории в 1965-1969 гг. на пяти крупнейших предприятиях Харькова: Харьковском тракторном заводе, Харьковском электромеханическом заводе, Харьковском турбинном заводе, Харьковском мотостроительном заводе «Серп и молот» и Харьковском велозаводе. Общее число работников этих предприятий тогда составляло более 81 тысячи человек (см. об этом подробнее: [20, с. 10-29, 40-46, 250-252]).

Изучение социальной активности производственных коллективов – это исторически первое (мы называли его производственным) направление исследований научной школы Е. А. Якубы. Это направление представлено в работах Елены Александровны и первого поколения Якубинской научной школы – ее учеников и соратников, чьи собственные научные труды были подготовлены в развитие теории социальной активности в ее применении к трудовым коллективам. Среди этих работ коллективная монография под редакцией Е. А. Якубы «Роль общественности в управлении производством: Опыт конкретно-социологического исследования» (1968 г.) [12], её собственная монография «Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме» (1970 г.) [21], диссертации и научные публикации сотрудников кафедры

философии и социологической лаборатории университета И. Ф. Некрасовой, Л. А. Маленковой, А. И. Андриющенко, В. Л. Арбениной, В. И. Писаренко и др. Они увидели свет во второй половине 60-х – 70-ые годы прошлого столетия (см., напр.: [22-26]).

Второе (мы называли его вузовским или студенческим) направление исследований школы реализовывало и сегодня реализует (во всяком случае благодаря усилиям некоторых его представителей) второе поколение школы Е. А. Якубы: В. А. Правоторов, разработавший концепцию профессиональной активности молодых специалистов; И. И. Шерemet, анализировавшая социально-демографические факторы социальной активности; Т. А. Козуб, научные поиски которой были связаны с проблемами развития социальной активности на групповом уровне, в частности в студенческой группе; А. Е. Попов, занимавшийся проблемами формирования организаторской активности будущих специалистов, Л. Г. Сокурская, изучавшая общественно-политическую активность студенческой молодежи; Л. В. Филинская, исследовавшая влияние культуры управления воспитательным процессом в вузе на формирование социальной активности студентов; Л. М. Хижняк, акцентировавшая внимание на деятельности субъектов управления в системе высшего образования в условиях его совершенствования; А. М. Николаевская, изучавшая особенности формирования и проявления нравственной активности студентов; И. Ю. Белохвостикова, исследовавшая научную активность студентов и молодых специалистов, В. Н. Николаевский, научный интерес которого был сосредоточен на процессах становления социальной культуры, в том числе социальной активности молодых ученых; А. И. Кизилов, изучавший факторы формирования социально-экономического сознания работников высшей школы, в частности, роль в этом процессе экономической активности личности. Как видим, представители второго поколения применяли теорию социальной активности в контексте анализа жизнедеятельности высшей школы, студенчества и молодых специалистов (1980-тые – первая половина 1990-х гг.).

Поскольку производственная тематика в этот период практически была сведена на нет, в рамках второго направления активно работали представители первого поколения – А. И. Андриющенко, В. Л. Арбенина, В. И. Писаренко и др. В. Л. Арбенина и сегодня принимает в этих исследованиях са-

мое активное участие, концентрируя свое внимание на анализе социальной активности студенчества и подростковой молодежи в сфере свободного времени.

Тем не менее некоторые представители второго поколения Якубинской социологической школы обращались и к проблематике социальной активности производственных коллективов. Так, проф. О. Д. Куценко в начале своей научной карьеры занималась исследованием трудовых (производственных) коллективов как субъектов формирования политической культуры и политической активности личности.

Ко второму поколению школы Е. А. Якубы, несомненно, относится и академик НАН Украины В. С. Бакиров. Его научные поиски в рамках докторской диссертации были связаны с исследованием ценностной обусловленности социальной активности личности (социальной группы) (см., напр.: [27]).

Третье направление исследований в рамках школы Е. А. Якубы – анализ трансформации социально-классовой структуры постсоветского общества сквозь призму деятельностно-структурного подхода. Наиболее весомый вклад в реализацию такого подхода был сделан представителем второго поколения Якубинской научной школы проф. О. Д. Куценко. Ее докторское исследование по праву можно считать творческим развитием многих положений теории социальной активности Е. А. Якубы. Особую значимость в этом контексте приобретает позиция О. Д. Куценко по вопросу факторной обусловленности изменений, происходящих в социально-классовой структуре постсоветского пространства. Важнейшей причиной, предопределяющей трансформацию этой структуры, является, по ее мнению, деятельность, активность социальных акторов (индивидуальных и коллективных) (см.: [28]).

В рамках третьего направления исследований Якубинской научной школы несомненный интерес представляют работы еще одного представителя второго поколения этой школы – проф. Л. М. Хижняк. Ее научные поиски были связаны с проблемой формирования и актуализации субъектности социальных организаций в условиях трансформации постсоветского общества (см.: [29]), а также определения места и роли малых и средних предпринимательских организаций в социально-экономической жизни Украины. В контексте последней проблемы особое внимание уделялось вопросам недостаточного развития социальной активности и социальной ответ-

ственности новых предпринимательских организаций (см.: [30]).

Третье направление исследований школы Е. А. Якубы в самых разных вариациях разрабатывают не только представители второго поколения, в частности О. Д. Куценко и Л. М. Хижняк, но и те, кого мы можем назвать третьим поколением Якубинской научной школы. Среди них С. С. Бабенко, чьи творческие искания были направлены на исследование взаимосвязи социальной активности и жизненной стратегии личности; М. А. Безносков, рассматривавший системную трансформацию как следствие социальной активности социальных акторов на групповом и институциональном уровне; И. А. Евдокимова, изучавшая социальную активность различных социальных субъектов в условиях общества риска, и др.

Своеобразное развитие якубинской теории социальной активности представлено в исследованиях таких представителей третьего поколения Харьковской социологической школы, как Ю. Г. Сорока и О. А. Даниленко. Так, многие положения этой теории нашли свою оригинальную интерпретацию в концепции социального восприятия Ю. Г. Сороки. Рассматривая действующего субъекта, она стремится определить неосознанные предпосылки его активности, среди которых, с ее точки зрения, особое место занимает опосредованное социокультурным контекстом социальное восприятие. Аргументацию Ю. Г. Сороки конституированной инстанции Другого относительно социального восприятия можно рассматривать как развитие исследований факторной обусловленности социальной активности (см.: [31, с. 84-121; 32, с. 113-124]).

Лингвоконфликтологические детерминанты социальной активности представлены в научных исследованиях О. А. Даниленко. В ее публикациях обосновывается, во-первых, положение о том, что язык конфликта может рассматриваться в качестве индикатора определенных социальных действий, в которых проявляется социальная активность личности; во-вторых, демонстрируется, как характеристики языка конфликта, включенные в тексты СМИ, учебников истории, выступлений политиков и в другие публичные тексты, могут влиять на векторы социальной активности, а также выступать в качестве одного из дискурсивных элементов ее мобилизационных механизмов (см.: [33]).

Сегодня формируется четвертое поколение социологической школы Е. А. Якубы – это ученики ее учеников, вчерашние и

сегодняшние аспиранты социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина: В. Руженцева, О. Ярмач, К. Агаларова, А. Дейнеко, А. Голиков, А. Хижняк, А. Пасисниченко, О. Ружельник, Л. Проценко, П. Артемов и др. Их исследовательский интерес, в том числе сосредоточен на проблемах академической, экономической, политической, в частности протестной, религиозной, досуговой, спортивной и других видах социальной активности современной молодежи, прежде всего студентов и школьников.

Таким образом, теоретическая база, созданная Е. А. Якубой, претерпевает серьезное развитие в творчестве ее последователей и учеников. В дополнение к сказанному выше приведем еще один пример развития некоторых положений теории Е. А. Якубы. В своем докторском исследовании, основываясь на концептах социальной активности и социальной зрелости Е. А. Якубы, Л. Г. Сокурская (соавтор этой статьи) представила разработанную ею концепцию социальной субъектности, которая может проявляться на индивидуальном, групповом и даже на институциональном уровнях (см. об этом подробнее: [34-36]). Вспомним, что Е. А. Якуба под социальной активностью личности понимала «системное социальное качество, в котором выражается и реализуется уровень ее социальности, т.е. глубина и полнота связей личности с социумом, уровень превращения личности в субъекта общественных отношений» [37]. Социальную зрелость она определила как характеристику личности (социальной группы), отражающую уровень ее психологической готовности и реальной подготовленности к выполнению разнообразных социальных функций. Среди критериев социальной зрелости Е. А. Якуба выделяла, в том числе такие, как уровень социального сознания, а также характер и масштабы деятельности, направленной на защиту социального положения [19]. В процессе реализации социальной активности как качества личности (социальной группы) и происходит ее социальное созревание. Что касается социальной субъектности, то это, на наш взгляд, не только качество личности, проявляющееся в ее активной самостоятельной, целенаправленной, творческой, основанной на определенной системе ценностей и т.д. деятельности, но, главное, эта деятельность оказывает влияние на других социальных акторов.

Можно говорить о разных уровнях социальной субъектности – субъектной диспозиции и актуализированной субъектности, разных видах субъектности – профессио-

нальной, политической, экономической и т.д., разных типах – ситуативной (или реактивной) и устойчивой субъектности, разных формах – конструктивных и деструктивных [34, с. 155-166]. В контексте последнего (выделения конструктивной и деструктивной социальной субъектности) можно говорить о развитии концепта социальной активности, предложенного Е. А. Якубой. Для нее социальная активность – это качество личности (или социальной группы) только со знаком «плюс», поскольку его реализация всегда направлена на достижение социального блага. На наш взгляд, активность, как и субъектность, может быть и со знаком «минус».

Сегодня, в наше чрезвычайно бурное время невероятно актуализируются исследования социальной активности и социальной субъектности личности, тех или иных социальных групп и т.д., провоцируя новые и новые обращения к теоретическим построениям Е. А. Якубы.

Возвращаясь к представленным выше критериям выделения научной школы, в частности к такому из них, как наличие каналов презентации полученного знания, мы и в этом случае можем сказать, что такие каналы у Харьковской (Якубинской) школы есть. Это многочисленные научные конференции (например «Харьковские социологические чтения», которые по инициативе профессора Е. А. Якубы проводятся в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина с 1994 года, и «Якубинская научная сессия», которая ежегодно, начиная с 2004 года, проводится на социологическом факультете в день рождения Е. А. Якубы); это, по самым скромным подсчетам, более 2 тысяч научных публикаций (коллективных и индивидуальных монографий, статей, в том числе опубликованные в таких изданиях: Вестник Харьковского национального университета, серия «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы» (издается с 1983 г.), сборник научных трудов «Методология, теория и практика социологического анализа современного общества» (издается с 1994 г.), «Украинский социологический журнал», который издается Харьковским национальным университетом имени В. Н. Каразина совместно с Социологической ассоциацией Украины с 2008 года, и др.).

Что касается внешнего признания работы исследовательского коллектива, то и здесь мы можем говорить о солидном творческом, научном багаже школы Е. А. Якубы – десятки

кандидатских и докторских диссертаций, защищенных (и готовящихся к защите) по тем направлениям, о которых говорилось выше.

Еще одним подтверждением того, что мы можем говорить о социологической школе, в частности Харьковской, может быть следующее. Как подчеркивают исследователи, научная школа возникает в рамках некоей организационной структуры – кафедры, отдела, лаборатории. В свою очередь, научная школа может быть фактором институционализации того или иного научного направления. Если говорить о Харьковском университете, то научная школа Е. А. Якубы, возникнув в рамках социологической лаборатории, стала базой для создания кафедры, а затем и социологического факультета. В этом контексте Харьковскую социологическую школу можно определить не только как научную, но и как научно-образовательную школу.

Важной характеристикой научной школы, во всяком случае Якубинской, является нравственная атмосфера, сформировавшаяся в исследовательском коллективе, моральные принципы научной деятельности, заложенные ее основателем, и прежде всего профессиональная честность, независимость, неангажированность властью, неамбициозность и главный принцип Елены Александровны – исследовать только ре-

альные социальные проблемы. Именно поэтому «Якубинскую научную сессию» мы проводим как научно-практическую конференцию. Всем этим принципам сотрудники социологического факультета Харьковского национального университета и сегодня стремятся следовать в своей преподавательской и исследовательской работе.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что Харьковская (Якубинская) социологическая традиция отвечает разработанным нами с учетом мировых достижений критериям научной школы. Несомненный научный авторитет основателя Харьковской социологической школы, которым Е. А. Якуба пользовалась и сегодня пользуется в профессиональном сообществе как в нашей стране, так и за рубежом, наличие четырех поколений ее последователей и учеников, непреходящая актуальность основных положений якубинской теории социальной активности личности (социальной группы), получающей свое развитие в научных студиях сегодняшних представителей исследовательских направлений школы профессора Якубы – все это и многое другое является, на наш взгляд, достаточно убедительным свидетельством функционирования социологической школы в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина.

Литература

1. Проект Закона про вищу освіту [Реєстраційний номер 1187-2 від 21.01.2013] [Електронний ресурс] // Режим доступу : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=45512.
2. Положение о выделении грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых-кандидатов наук и их научных руководителей, молодых российских ученых-докторов наук и средств для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации [Утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 27 апреля 2005 г. № 260.] [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://grants.extech.ru/docs/pol_260_2.php.
3. Дежина И. Г. Ведущие научные школы – российский феномен? [Электронный ресурс] / И. Г. Дежина, С. В. Егоров // Капитал страны. – 2008. – № 12. Режим доступа : <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/992>.
4. Научные школы: проблемы теории и практики / [В. И. Астахова, Е. В. Астахова, А. А. Гайков и др.] ; под ред. В. И. Астаховой, Е. В. Астаховой. – Х. : Изд-во НУА, 2005. – 332 с.
5. Ярошевский М. Г. Логика развития науки и научная школа / М. Г. Ярошевский // Школы в науке / под ред. С. Р. Микулинского, М. Г. Ярошевского, Г. Кребера [и др.]. – М. : Наука, 1977. – с. 265 – 274.
6. Зербино Д. Д. Научная школа как феномен / Д. Д. Зербино. – К. : Наукова думка, 1994. – 134 с.
7. Мирская Е. З. Научные школы: история, проблемы и перспективы / Е. З. Мирская // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки / под ред. А. Г. Аллахвердяна, Н. Н. Семеновой, А. В. Юревича. – М. : Логос, 2005. – С. 244 – 265.
8. Аронов Д. В. К проблеме определения понятия «научная (научно-педагогическая) школа» / Д. В. Аронов, В. Г. Садков // Вестник высшей школы «Alma mater». – 2003. – №6. – С. 8 – 13.
9. Проценко Л. Г. Наукова школа як об'єкт дослідження: теоретико-методологічні засади / Л. Г. Проценко // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. – Випуск 16. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна. – 2010. – с. 190 – 195.
10. Кун Т. Структура научных революций / Т. Кун. ; пер. с англ. И. З. Налетова [с вводной статьей и дополнениями. – 1969г.] – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.
11. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – [Благовещенск] : БГК Им. И. А. Бодуэна Де Куртенэ, 1998. – 344 с.
12. Якуба Е. А. Роль общественности в управлении производством : опыт конкретно-социологического исследования / Е. А. Якуба – Х. : Изд-во Харьк. ун-та, 1968. – 239 с.
13. Якуба Е. А. Ориентация личности на общественную деятельность и социальная активность / Е. А. Якуба,

- А. И. Андрущенко // Активность личности в социалистическом обществе. – М., 1976. – С. 157 – 171.
14. Якуба Е. А. Понятие общественной активности как качества личности студента / Е. А. Якуба // Коммунистические идеалы и становление личности студента. – Х., 1977. – С. 30 – 43.
15. Якуба Е. А. Нравственная активность молодых специалистов / Е. А. Якуба // Социальная активность специалиста: истоки и механизм формирования (Социологический анализ) / Е. А. Якуба, В. А. Правоторов, И. Д. Ковалева [и др.]. – Х., 1983. – Гл.1. – С. 5 – 26.
16. Якуба Е. А. Социальная активность молодого специалиста в условиях развитого социализма, ее критерии, уровни / Е. А. Якуба // Социальная активность специалиста: истоки и механизм формирования (Социологический анализ) / Е. А. Якуба, В. А. Правоторов, И. Д. Ковалева [и др.]. – Х., 1983. – С. 51 – 60.
17. Якуба Е. А. Социальная активность специалиста: истоки и механизм формирования (Социологический анализ) / Е. А. Якуба, В. А. Правоторов, И. Д. Ковалева [и др.] – Х. : Вища школа, 1983. – 216 с.
18. Якуба Е. А. Методологические и методические проблемы социологических исследований социальной активности личности / Е. А. Якуба – Х. : Вища школа, 1989. – 65 с.
19. Е. А. Якуба Социальная зрелость социальных групп в условиях трансформации общества // Харьковские социологические чтения – 98 : сб. науч. работ. – Х. : ЦЭПП «Радар», 1998. – С. 7 – 12.
20. Елена Александровна Якуба: Ученый, Учитель, Человек (исследования и воспоминания) / [сост. : Куценко О. Д., Сокурская Л. Г.]. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2004. – 353 с.
21. Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме / Е. А. Якуба. – Х. : Изд-во ХГУ, 1970. – 208 с.
22. Некрасова И. Ф. Некоторые вопросы организации и методики конкретно-социологического исследования трудовой дисциплины / И. Ф. Некрасова // Вопросы общественной активности масс и развития политической организации советского общества : материалы научной конференции (23-25 мая 1968 г.). – Х., 1968. – С. 75 – 78.
23. Маленкова Л. А. О роли руководителя в производственном коллективе / Л. А. Маленкова // Вопросы общественной активности масс и развития политической организации советского общества : материалы научной конференции (23-25 мая 1968 г.). – Х., 1968. – С. 124 – 127.
24. Нецвет Л. Ф. Роль стимулирования (форм поощрения) в развитии общественной активности членов производственного коллектива / Л. Ф. Нецвет // Вопросы общественной активности масс и развития политической организации советского общества : материалы научной конференции (23-25 мая 1968 г.). – Х., 1968. – С. 135 – 138.
25. Арбенина В. Л. Роль социального планирования в управлении процессом социализации молодого рабочего в производственном коллективе / В. Л. Арбенина // Научно-технический прогресс и молодежь : тезисы докладов участников научной конференции (декабрь 1971 г.). – Х., 1971. – С. 99 – 101.
26. Андрущенко А. И. Ценностная ориентация членов производственного коллектива в сфере общественно-политической деятельности / А. И. Андрущенко // Научно-технический прогресс и молодежь : тезисы докладов участников научной конференции (декабрь 1971 г.). – Х., 1971. – С. 107 – 109.
27. Бакиров В. С. Ценностное сознание и активизация человеческого фактора / В. С. Бакиров. – Х. : Вища школа ; Изд-во при ХГУ, 1998. – 152 с.
28. Куценко О. Д. Общество неравных. Классовый анализ неравенств в современном обществе : монография / О. Д. Куценко. – Х. : Изд. Центр ХНУ имени В. Н. Каразина, 2000. – 316 с.
29. Хижняк Л. М. Перетворення організацій в умовах соціально-економічних змін : монографія / Л. М. Хижняк. – Х. : Основа, 1999. – 270 с.
30. Хижняк Л. М. Бизнес-деятельность как фактор трансформации социальной структуры / Л. М. Хижняк // Изменения социально-классовой структуры общества в условиях его трансформации / Е. А. Якуба, О. Д. Куценко, Л. М. Хижняк [и др.]. – Х., 1997. – С. 121 – 153.
31. Сорока Ю. Г. Видеть, мыслить, различать: социокультурная теория восприятия : монография / Ю. Г. Сорока. – Х. : ХНУ имени В. Н. Каразина, 2010. – 334 с.
32. Сорока Ю. Свої, чужі, різні: соціокультурна теорія сприйняття Іншого : монографія / Ю. Сорока. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 332 с.
33. Даниленко О. А. Язык конфликта в трансформирующемся обществе: от конструирования истории – к формированию социокультурных идентичностей : монография / О. А. Даниленко. – Вильнюс : Изд-во ЕГУ, 2007. – 402 с.
34. Сокурская Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода : монография / Л. Г. Сокурская. – Х. : Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, 2006. – 576 с.
35. Сокурская Л. Г. Социальная субъектность как социологическое понятие и социальный феномен / Л. Г. Сокурская // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства : збірник наукових праць. – Х., 2001. – С. 36 – 41.
36. Сокурская Л. Г. Проблема суб'єкту в сучасній соціології / Л. Г. Сокурська // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер. «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – Х., 2003. – С. 24 – 36.
37. Якуба Е. А. Социология : учебное пособие для студентов / Е. А. Якуба. – Х. : Константа, 1996. – 192 с.